

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 130–146.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 3. P. 130–146.

Научная статья / Original article

УДК 101.2

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-130-146

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В СИСТЕМЕ ЗАПАДНОГО МОДЕРНА: К НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Александр Андреевич Гиринский

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, agirinskiy@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-9334-431X>

 Аннотация. В данной статье обсуждаются актуальные вопросы, связанные с поиском новой методологии исследования русской религиозной философии. Актуальный политический контекст, связанный с событиями, начавшимися в 2022 году, обусловлен геополитическим противостоянием России и Запада. Однако он затрагивает не только политическую сферу, но и сферу культуры. Русская религиозная философия, как и русская литература, рискуют стать «жертвами» новой идеологической борьбы. В статье описывается и анализируется опасность политически ангажированных исследований русской философии. Предлагаются новые академические форматы и исследовательские стратегии, которые позволят избежать идеологических столкновений и вернуть русскую культуру в пространство единого академического русско-европейского диалога на новых основаниях. Для этого необходимо сосредото-

читать внимание на исследовании русской философии в контексте развития основных тенденций модерна, философии Просвещения и Контрпросвещения. В статье выдвигается гипотеза о том, что русская философия является «консервативным полюсом» европейского модерна, самостоятельной, но при этом органично встроенной в целостную европейскую философскую семью традицией. Предлагается использование новых языковых стратегий в русской философии через анализ эмансипаторных и консервативных интеллектуальных методологий модерна, политической теологии, секулярности и постсекулярности. Эвристический потенциал исследований русской философии в данных научных направлениях может открыть новую страницу в изучении связей русской и европейской мысли, сохраняя верность академическим принципам политической нейтральности.

Ключевые слова: русская философия, модерн, Просвещение, политическая теология, секуляризация, религия, политика

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Гиринский А. А. Русская философия в системе западного модерна: к новой методологии исследования // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 130–146.
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-130-146.

Literature. Philosophy. Religion

RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE SYSTEM OF WESTERN MODERNITY:
TOWARDS A NEW RESEARCH METHODOLOGY

Aleksandr A. Girinskiy

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, agirinskiy@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-9334-431X>

Abstract. This article discusses topical issues related to the search for a new methodology for the study of Russian religious philosophy. The current political con-

text associated with the events that began in 2022 is associated with a new geopolitical confrontation between Russia and the West. However, it affects not only the political sphere, but also the sphere of culture, Russian religious philosophy, like Russian literature, runs the risk of becoming “victims” of a new ideological struggle. The article describes and analyzes the danger of politically biased studies of Russian philosophy, suggests new academic formats and research strategies that will help avoid ideological clashes and return Russian culture to the space of a single, academic Russian-European dialogue on new grounds. It is proposed to focus on the study of Russian philosophy in the context of the development of the main trends of modernity, the philosophy of Enlightenment and Counter-Enlightenment. A hypothesis is put forward that Russian philosophy is the “conservative pole” of European modernity, an independent tradition, but at the same time organically integrated into the integral European philosophical family. The use of new language strategies in the use of Russian philosophy is proposed: through the analysis of emancipatory and conservative intellectual methodologies of modernity, political theology, secularity and post-secularity. It seems that the heuristic potential of Russian philosophy research in these scientific areas can open up a new word in research on the links between Russian and European thought, while remaining faithful to the academic principles of political neutrality.

Keywords: Russian philosophy, modern, Enlightenment, political theology, secularization, religion, politics

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Girinskiy, A. A. (2023) “Russian Philosophy in the System of Western Modernity: Towards a new research methodology”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(3), pp. 130–146. (In Russ.).

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-130-146.

Спор о самостоятельности или вторичности русской философии (и шире — русской цивилизации) как таковой — один из самых насущных и актуальных сегодня, особенно с учетом текущей геополитической обстановки. Переживаемые сегодня Россией социально-политические, культурные и экономические трансформации во многом заново актуализировали в отечест-

венной философской и политологической мысли «вечные» теоретические вопросы о сущности российской политической культуры, поставили вопросы об удивительной устойчивости и преемственности основных политических форм и форматов реализации своей политики, необходимости культурной и идеологической эмансипации от Запада (как в практическом политическом смысле, так на уровне интеллектуальной гуманитарной культуры).

Однако серьезная и ответственная постановка такого рода вопросов неизбежно ставит нас перед выбором: на что может опереться сегодня интеллектуальная элита, чтобы в очередной раз в нашей истории попытаться решить задачу «понимания России» и определения ее культурно-цивилизационной инаковости? Насколько далеко можно зайти в поисках этой инаковости? И главное, нужно ли? На наш взгляд, эти задачи невозможно решить, не обратившись к сущностным характеристикам отечественной культуры, неразрывно связанной с особенностями русской философии и интеллектуальной традиции в целом.

Русская философия (и русская политическая традиция как ее составная часть) уже достаточно давно является объектом для историко-философского и политологического анализа. Масштабный всплеск интереса к русской философии в конце 1980-х и начале 1990-х годов был связан с теми глубокими и подчас трагическими политическими трансформациями, которые наше общество и государство тогда переживали. В русской философии было принято видеть ту самую исконную «европейскую традицию», от которой наше общество после революции 1917 года трагически отвернулось и пошло в обратную сторону. Во многом поэтому в текстах русских философов (за редкими исключениями) было принято находить все то, что «нужно было найти» сообразно времени и политическому моменту, — идеи демократии, свободы личности, правового государства, терпимости и т. д. Европейская культура казалась непротиворечивым монолитным текстом, в котором все элементы органически связаны между собой, из сложных онтологических и метафизических основ которого вытекают «ясные и отчетливые» (почти что в картезианском смысле) политические концепты. Последние можно зафиксировать в качестве идейной основы для необходимых политических преобразований. Русская философия в таком понимании представлялась лишь одной из «глав» этого большого текста европейской культуры, которая пусть оригинально и специфически, но высказывала те же самые идеи, на которых основана европейская культура и напрямую связанные с ней политические практики и институты.

Однако российская гуманитарная наука (по крайней мере, в своей мейнстримной версии) в 1990-е годы, как сегодня становится очевидно, оказалась в

крайне затруднительном и иллюзорном положении. Российская философская и политическая элита воспринимали Запад как цельное, неделимое интеллектуальное пространство, лишённое внутреннего динамизма и противоречий. Знаменитый тезис Ф. Фукуямы о «конце истории», пожалуй, мало где был воспринят так буквально и так отчетливо, как в российском интеллектуальном сообществе того времени. Несомненно, это было трагическим заблуждением. Поверхностное «западничество» и подражательство, в русской истории часто сопутствующее политическому и партийному либерализму, не имеют ничего общего с «русским европеизмом», который как принцип и цель русской жизни был утверждён ещё В. С. Соловьёвым и Ф. М. Достоевским (в романе «Подросток» Версиков называет задачей русского европейца «всепримирение идей»). На это указывает философ и литературовед В. К. Кантор:

Реализм, отказ от идеализации как Запада, так и Востока Европы (включая сюда и Россию), понимание сложностей и жестокостей европейского исторического пути — необходимая предпосылка для формирования чувства личного достоинства, столь значимого для самоощущения русского европейца, являющегося не просто потребителем западных технических усовершенствований (такова позиция варвара), а сотворцом, сопроизводителем тех ценностей, которые с необходимостью рождаются в лоне личностной европейско-христианской культуры.

[Кантор, 2023]

В. К. Кантор полагает, что России необходима «идеология, что позволяет критически смотреть и на Россию, и на Запад, ибо обе эти части Европы — родные для русского европейца, а потому он имеет право желать их улучшения. Но это — критика, не похожая на ту, с какой “русские патриоты” подходят к Западу, а западные шовинисты к России, чтобы уничтожить противника. Это — внутренняя самокритика европейской культуры...» [Там же].

Несомненно, существовала и продолжает иметь значение прямо противоположная опасность — превращение «русской философии» в идеологическую основу традиционализма, «новую православную идеологию», в которой собственно философская составляющая традиции отходит на второй план, превращаясь в пропагандистский инструмент.

Сегодня необходимо признать, что и первый, и второй вариант интерпретации русской философии ложны и одинаково опасны для задач академической науки. Несмотря на то, что русская философская традиция с самого начала тяготела к решению и проблематизации историсофских, «конкретных»

сюжетов, исследовательское сообщество не должно допустить превращения русской философии в инструмент для решения политических вопросов.

Однако опасность идеологизации исследований русской философии сегодня, скорее всего, исходит по большей части не изнутри, а снаружи — от коллективного Запада. Масштабные геополитические события 2022 года стали причиной мощных культурных и интеллектуальных потрясений. В очередной раз против России используются не только инструменты геополитического давления, в чем, стоит заметить, исторически нет ничего нового, но и практики «культурной отмены». Русская философия становится очевидной жертвой этого идеологического варварства. Например, славист Е. Добренко в публикации-интервью с говорящим названием «Гуманитарная наука после 24 февраля» делает следующий вывод:

На фоне брутальности происходящего все рассуждения о «всемирной отзывчивости», «совестливости», «соборности», «загадочной русской душе» и т. п. полностью обесценились. Еще больше обесценилась питавшая Серебряный век «русская религиозная философия» — весь этот националистический стон, полный имперских фантомов, непереваренного народничества, дремучего мистицизма, а нередко и просто фашизма. Все это тонет на наших глазах в картинках «Русского мира» и с мест боев. Русская литература потеряла свое главное достояние — *moral ground*. А без моральной почвы ее «вечные вопросы» превратились в риторику.

[Гуманитарная наука ... , 2023, с. 41]

Историк философии Н. Плотников в той же статье отмечает:

...исследования русской философии оказались неспособными противостоять политическим манипуляциям и превращению в идеологическое оружие борьбы с Западом, которые стали в последнее десятилетие основными способами авторитарного давления на науку. Военная катастрофа демонстрирует с особенной отчетливостью полную интеллектуальную несостоятельность этой парадигмы и обнаруживает необходимость ее критической деконструкции.

[Там же, с. 34]

Звучат призывы к «деколонизации» России, «деконструкции» смыслов русской философии, естественно, с целью выявить патриархальные, «имперские» (в оценочном смысле) сюжеты русской интеллектуальной традиции. Очевидно, главная цель — разоблачение русской культуры как культуры насилия, по-

давления и военной экспансии. По сути, принятие такой исследовательской стратегии как «нормы» грозит полным исчезновением русской национальной культуры и квазигосударственным запретом на любую творческую активность национальной интеллигенции, возобновлением практик «культурного большевизма» и переписыванием истории в угоду идеологическим конструктам, подчиненным реализации новой левой утопии. В одном из интервью философ Б. В. Межуев так описывает эту перспективу:

Нужно будет радикально сокращать вооруженные силы и тем самым обрезать сотни тысяч мужчин на безработицу, а их семьи — на нищету. Придется действительно вычеркивать Толстого, Достоевского и даже отчасти Пушкина из школьной программы. Отменять всю русскую философию. Запрещать любой имперско-ориентированный политический дискурс как неполиткорректный. Проводить серьезные меры по снижению рождаемости и депопуляции. Снова переориентировать экономическую политику на включение в западные цепочки разделения труда.

[Межуев, 2023]

Ответ, конечно, не должен быть политическим или административным. По крайней мере, такие варианты реагирования никак не могут быть основой для научной деятельности. Исследования русской философии нуждаются, несомненно, в обновленной методологии ее изучения, в новой активации интереса к ее узловым вопросам и сюжетам, в анализе ее философского языка, основных исследовательских интуиций. Это поможет сохранить русскую философию как оригинальную интеллектуальную традицию, защитив от идеологических вторжений как «справа», так и «слева». Новой методологией ни в коем случае не должен стать ни грубый традиционализм, ни тем более постколониализм и «деконструкция».

Представляется важным посмотреть на русскую философскую традицию как на самостоятельную ветвь европейской философии. Стоит акцентировать, что подчеркивание «самостоятельности» не означает декларативное пестование «самобытности», которое часто становится инструментом избавления от любой рациональной критики. Постановка новых исследовательских задач требует от нас сложного, диверсифицированного социологического и историко-философского взгляда на саму европейскую культуру и русскую интеллектуальную традицию как ее составную часть. В данной статье мы лишь контурно попытаемся наметить основные линии такой методологии.

В поисках нового взгляда

Наиболее продуктивной методологией в исследовательском плане нам представляется рассмотрение западной культуры как культуры модерна, в котором противоречивым образом сочетаются две основные линии — Просвещения и Контрпросвещения. Данная линия рассмотрения уже представлена в отечественной научной литературе работами В. А. Куренного [Куренной, 2013], Б. В. Межуева [Межуев, 2018; 2022], И. И. Павлова [Павлов, 2021], К. М. Антонова [Антонов, 2020], прот. Павла Хондзинского [Хондзинский, 2016], А. П. Соловьева [Соловьев, 2021].

Например, А. П. Соловьев отмечает:

Религиозный романтизм русской интеллигенции, обращающейся к религии, в России нельзя объяснить только рецепцией западноевропейской культуры и философии или «западным пленением», «западным влиянием»... индивидуальная религиозность, и апокалиптичность, сосуществующая с утопизмом — это уже конструкты современного переосмысления секулярного...

[Соловьев, 2021, с. 112–113]

Сложность и внутренняя неоднородность культуры модерна, в свою очередь, означает, что на самом деле никакой единой западной культуры не существует. Точнее говоря, если единство и есть, то его можно описать только диалектически: как постоянную борьбу между утопизмом и реализмом, идеей прогресса и концепцией преемственности исторического опыта, революции и эволюции, «эмансипаторным» культурным релятивизмом и христианским идейным фундаментом, пренебрежением к прошлому и глубоким историзмом. В прикладном политическом смысле это напряжение находит свое выражение в конфликте «левой» и «правой» частей идеологического спектра, противоречие между которыми остается, несмотря на изменчивость конкретного социально-политического содержания в каждом отдельном историческом моменте.

Русская политико-философская традиция предстает в свете данной методологии одним из полюсов западной современной политической культуры, а именно — консервативным ядром европейской философии. Точнее, той частью европейской культуры, где основные идеи и принципы данного направления нашли наиболее последовательное воплощение. Они значительным образом повлияли на культурное и политическое развитие России и, по всей видимости, продолжают существенным образом влиять сегодня.

«Мужество разума» как свобода национальной культуры

Россия с самого начала находилась по отношению к западному модерну в положении скорее наблюдателя, чем активного участника. Это в равной степени справедливо для характеристики как культурных, так и политических процессов. Задача русской философии как раз и состояла в том, чтобы превратить Россию из объекта культурного воздействия в субъект, осуществить «вхождение» русской культуры в западную традицию на принципах равноправия. Равноправие, стоит заметить, предполагает право на иную точку зрения, на собственное видение философских задач.

Петровские преобразования и успехи во внешней политике полноценно включили Россию в систему европейской геополитики и социально-политических трансформаций. Тем не менее модернизация России носила, несомненно, характер внешний, а не внутренний, что сразу было схвачено русской мыслью в тот период, когда она оформилась как самостоятельное интеллектуальное явление (естественно, также не без влияния западной культуры и образования). При этом петровские реформы запустили глубокие преобразования всех сфер жизни российского общества и, самое главное, способствовали его стремительной секуляризации.

Период расцвета самостоятельной интеллектуальной культуры в России совпал с общим развитием в Европе национального романтизма. На это обстоятельство, правда применительно к русской литературе XIX века, обращает внимание И. Берлин: «Кажется, все, или почти все историки русской литературы и философии, невзирая на любые иные свои разногласия, сходятся в одном: наибольшее, преобладающее влияние на русских писателей, работавших во второй четверти девятнадцатого столетия, оказал германский романтизм» [Берлин, 2017, с. 236]. Эта констатация, конечно же, еще в большей степени верна и для русской философской мысли середины века. Отмечает этот факт и Г. Шпет: «Еще раз чужой язык стал посредником между источником духа и русской душой. Россия начала свою культуру с немецких переводов» [Шпет, 1989, с. 30]. Очевидно, что полемику западников и славянофилов в этом контексте легко описать как вторичную по отношению к похожим интеллектуальным явлениям в тот период на Западе, что до сих пор является расхожим «штампом» в текстах критиков русской философской традиции. Тем не менее не стоит полагать, что отсылка к «вторичности» может обесценить значимость тех процессов, которые происходили в русской интеллектуальной культуре.

Например, полемику западников и славянофилов в этом отношении можно прочесть и как дискуссию о том, в какой степени Россия должна быть соучастником западного модерна и в какой мере необходимо принимать и за-

имствовать то, что происходит на Западе. Первые выводы русской мысли заключались в том, что российский XVIII век в этом отношении был веком «подражательным», век XIX же, благодаря крупным военным и политическим победам в начале столетия, стал временем пробуждения национального самосознания.

Славянофил А. С. Хомяков в сочинении «Мнение иностранцев о России» прямо ставит задачу преодоления того, что он называет «иглом подражательности»:

Направление, данное нам почти за полтора столетия, продолжается и до нашего времени. Принимая всё без разбора, добродушно признавая просвещением всякое явление Западного мира, всякую новую систему и новый оттенок системы, всякую новую моду и оттенок моды, всякий плод досуга немецких философов и французских портных, всякое изменение в мысли или в быте, мы еще не осмелились, ни разу хоть вежливо, хоть робко, хоть с полу-сомнением спросить у Запада: всё ли то правда, что он говорит? всё ли то прекрасно, что он делает? Ежедневно, в своём беспрестанном волнении, называет он свои мысли, ложью, заменяя старую ложь, может быть, новой, и старое безобразие может быть новым, и при всякой перемене мы с ним вместе осуждаем прошедшее, хвалим настоящее и ждём от него нового приговора, чтобы снова переменить наши мысли.

[Хомяков, 2010, с. 79–80]

В данном высказывании Хомякова зафиксировано очень важное наблюдение: России необходимо принять модерн как собственный проект и «присвоить» его смыслы и ценности. Результатом этого присвоения должна стать, выражаясь современным языком, аутентификация, «регистрация» и «прописка» модерна в России. В противном случае модернизация России рискует принять «колониальный характер», в котором мы будем неспособны самостоятельно рефлексировать основания и последствия наших поступков. Мы станем руководствоваться исключительно плодом чужих размышлений независимо от того, правильны они или нет в каком бы то ни было смысле. В этой логике, стоит отметить, рассуждают сегодня те, кто призывает к «деколонизации» и «деконструкции» самой русской философии, одновременно указывая как на ее вторичность, выраженную в отсутствии собственного внятного философского языка, так и на «дремучий национализм с оттенками фашизма».

Стоит сказать, что и в «лагере» западников высказывались схожие идеи. Б. Н. Чичерин в своей докторской диссертации «О народном представительстве» (1866) пишет следующее:

Русскому человеку невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение (здесь и далее курсив мой. — А. Г.) и выставляют ее непременным условием всякого гражданского развития. Признать это, значило бы отречься от всего своего прошедшего, отвергнуть очевидный и всеобъемлющий факт нашей истории, который доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами по пути гражданственности и просвещения. Русская история не мешает нам любить свободу, к которой, как к высшему идеалу, стремится всякая благородная душа.

[Чичерин, 1899, с. XVI–XVII]

Чичерин, таким образом, подчеркивает, что идея свободы не является заимствованной категорией. Она не изобретение европейской культуры. Каждая нация и каждый народ в своей истории ценит свободу. Задача состоит в том, чтобы найти ей адекватное выражение в соответствующей системе институций.

Русский историк К. Д. Кавелин, также обычно причисляемый к западникам, отмечал, что Россия имеет право на самостоятельное культурное и политическое самоопределение. Развитие Запада является важным стимулом и мотивацией для запуска обновления институтов в России, но не более того. Интеллектуальная независимость, вхождение в западный современный проект равноправным субъектом и партнером по диалогу, а не в качестве «ученика» — несомненный политический приоритет для успешного будущего России. В работе «Наш умственный строй» Кавелин определяет это следующим образом: «Принимая из Европы без критической проверки выводы, сделанные ею для себя из своей жизни, наблюдений и опытов, мы воображаем, будто имеем перед собой чистую, беспримесную научную истину, всеобщую, объективную и неизменную, и тем парализуем собственную свою деятельность в самом корне, прежде чем она успела начаться» [Кавелин, 1989, с. 316].

Подчеркивал Кавелин и то непонимание и раздражение, которое у Запада вызывают попытки России отстаивать свои собственные интересы и участвовать в общем интеллектуальном европейском движении в качестве равновеликого партнера: «Вообще я не верю, чтобы когда-нибудь в Европе нас путем узнали, а еще того меньше, чтоб к нам стали справедливы. Мы слишком, слишком разнимся от Европы всеми чертами нашей общественной жизни и нравственной природы...» [Цит. по: Арсланов, 2006].

Можно сказать, что русские интеллектуалы достаточно точно восприняли основную идею Просвещения — «мужества разума», провозглашенную

еще И. Кантом. Однако в этом и заключается сложность: базовая линия европейского модерна предполагала, что может быть лишь только один разум, а следовательно, все народы на пике своего развития придут к единому понимаю культурных и политических процессов, что означало гомогенизацию культур и надежды на построение единого глобального мира с едиными правилами (работа Канта «К вечному миру»). Начиная с XIX века российский модерн, родившийся, как было отмечено, в большей степени из идеи национального романтизма, а не из философии Просвещения, встает в оппозицию к этой центральной линии. Разум изменчив, он зависит от национальных и исторических традиций. Поэтому задача — не преодолеть их, а, напротив, оперевшись на эти традиции, трансформировать социальные и политические институты так, чтобы выработать основы собственной современной культуры.

Таким образом, принцип «мужества разума» и, следовательно, модерн был принят русской культурой в специфической оптике. Мыслить самостоятельно — значит иметь возможность говорить с Западом наравне и допускать вероятность иной трактовки тех явлений и событий, которые философия призвана осмысливать. Таким образом, с самого начала доминантная, унифицирующая и антиисторическая в своей основе линия модерна в России была ослаблена. Причем, как мы видим, в этом понимании были едины как славянофилы, так и западники. Это «внешнее» отношение русской мысли к западному модерну, при всем понимании неизбежности того, что и Россия волей исторической судьбы является частью этого проекта, обуславливает специфический способ постановки проблем и специфику философского языка в русской традиции.

Русская философия и «консервативный модерн»

Основной вопрос русской философской традиции можно было бы сформулировать так: как остаться христианином в мире, который более не является христианским? Как возможна культура, которая не была бы тотально религиозной, сохраняла свой светский характер, но при этом и не становилась пространством, в котором критическая «деконструкция» прошлого и отмена традиций становятся интеллектуальным мейнстримом и единственным легитимным способом философствования?

По большому счету этот интеллектуальный проект можно назвать «консервативным модерном» [Межуев, Ремизов, 2021], что означает попытку найти такие философский язык и методологический аппарат, которые были бы адекватны философии Нового времени, но при этом сохраняли бы связь с хри-

стианскими основаниями культуры. Тогда приобрела бы иной характер сама возможность философского сопротивления наиболее радикальным эмансипаторным стратегиям модерна. При этом очевидно, что возможность такого философствования была обусловлена уже начавшимся в русской культуре процессом секуляризации. Без появления свободного пространства, которое неизбежно возникает в ходе секуляризации культуры, такой вопрос просто не мог бы быть поставлен как философский.

Стремлением к созданию «консервативной философии модерна» можно объяснить то базовое противоречие, заключающееся в «религиозности» русской философии, которое смущает многих исследователей. Ведь если русская философия исходит из религиозной догматики как некой аксиомы, тогда это не философия, а богословие. Если же русская философия представляет собой разновидность «философии религии», тогда религия должна быть предметом анализа, а не его предпосылкой. Однако такое противопоставление перестает казаться проблематичным в том случае, если мы примем в качестве базовой задачи русской философии именно попытку синтеза тенденций Просвещения и Контрпросвещения, стремление найти адекватный язык для описания новой ситуации, в которой оказывается религиозное сознание в мире, где религия считается «преодоленной», вытесненной из публичной сферы в сферу частного.

Русская философия — это не философский анализ религии, а попытка найти ответ на вопрос, как религиозное сознание может сохраниться в мире модерна, не будучи вытесненным на его периферию. Важная задача при этом — избежать «соскальзывания» в традиционализм, отрицания модерна. Стоит отметить, что примеры такого «соскальзывания» также были представлены в русской философской мысли. Здесь можно вспомнить радикальный фидеизм Л. Шестова или «философию культа» П. Флоренского. В западной традиции также можно найти примеры подобной реакции на модерн: это философское творчество традиционалистов Р. Генона, Ю. Эволя, М. Элиаде [Седжвик, 2018].

При этом в западной философии можно найти примеры решения интеллектуальной задачи, которую ставила перед собой русская философия. Интересным вариантом для компаративного анализа основных философских стратегий можно назвать творчество американского философа немецкого происхождения Э. Фегелина [Фегелин, 2021], философские сочинения Л. Штрауса [Штраус, 2020], работы немецкого философа К. Левита [Левит, 2021]. Идея «гностицизма», разработанная в философии Фегелина, несомненно, напоминает критику религиозных оснований секулярного утопизма, представленную в философии С. Франка или С. Булгакова. «Политическая теология», как популяр-

ное направление современных исследований западной философии, также станет более объемной и детальной, если предположить, что русская философия тоже занималась разработкой данной парадигмы [Соловьев, 2022]. «Политико-теологические» интуиции можно обнаружить как в текстах уже упомянутых выше авторов, так и в работах Н. О. Лосского, Г. П. Федотова, Ф. А. Степуна, Б. П. Вышеславцева.

Поиск сближающих методологических оснований в творчестве представленных философов и русской религиозной мысли открывает новое поле для исследований русской философской мысли и ее связей с течениями европейской философии, возможности для анализа русской философии через диалектику секулярного и постсекулярного, эмансипаторных и консервативных стратегий развития модерна.

Список источников

Антонов К. М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: в 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. 2 т.

Берлин И. Германский романтизм в Петербурге и Москве // *Берлин И.* Русские мыслители. М.: Энциклопедия-ру, 2017. С. 236–255.

Гуманитарная наука после 24 февраля / пер. с англ. Д. Аронсона // НЛО. 2023. № 6. С. 29–63.

Кавелин К. Д. Наш умственный строй // *Кавелин К. Д.* Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 307–320.

Кантор В. К. Русский европеец как задача России. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2001/1/russkij-evropeecz-kak-zadacha-rossii.html> (дата обращения: 14.04.2023).

Куренной В. А. Иррациональная сторона рационального // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). С. 70–78.

Левит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории / пер. с англ. А. Саркисянца. СПб.: Владимир Даль, 2021. 509 с.

Межуев Б. В. Диалектика Контрпросвещения // Вопросы философии. 2022. Т. № 6. С. 45–57.

Межуев Б. В. Есть ли у России свой «цивилизационный код» и в чем он может заключаться? // Вопросы философии. 2018. Т. № 7. С. 35–43.

Межуев Б. В. Возможно ли «цивилизационное равнодушие» России к коллективному Западу? URL: <https://expert.ru/expert/2022/26/vozmozhno-li-tsivilizatsionnoye-ravnodushiye-rossii-k-kollektivnomu-zapadu/> (дата обращения: 14.04.2023).

Межуев Б. В., Ремизов М. А. Консерватизм и вызов для интеллектуального класса. Викторианский проект для России // Тетради по консерватизму. 2021. № 4. С. 36–46

Павлов И. П. Диалектика секуляризации в России: к оценке «Истории русской философии» Василия Зеньковского // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 3. С. 253–276.

Седжвик М. Традиционализм, Юлиус Эвола и Рене Генон: как эзотерическое становится политическим // *Aliter*. 2018. № 9. С. 38–52.

Соловьев А. П. Образы секуляризации в русской религиозной философии второй половины XIX века // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2021. № 4 (12). С. 108–126.

Соловьев А. П. Секулярное как политическая теология в русской религиозной философии первой половины XX века // Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 101. С. 57–81.

Фегелин Э. Новая наука политики: введение / пер. с англ. Н. Селиверстова. СПб.: Владимир Даль, 2021. 372 с.

Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А. С., Киреевский И. В. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 71–92.

Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 480 с.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1899. XXII, 810 с.

Штраус Л. Три волны современности // Штраус Л. Введение в политическую философию / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Праксис, 2000. С. 68–81.

Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. Часть 1 // Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 11–345.

References

Antonov, K. M. (2020) “*Kak vozmozhna religiya?*”: *Filosofiya religii i filosofskie problemy bogosloviya v russoi religioznoi mysli XIX–XX vekov: v 2 tomakh* [“How is religion possible?”: *Philosophy of religion and philosophical problems of theology in Russian religious thought of the 19th–20th centuries: in 2 vols*]. Moscow: PSTGU Publ.

Berlin, I. (2017) “*Germanskii romantizm v Peterburge i Moskve*” [“German Romanticism in St. Petersburg and Moscow”], in Berlin, I. *Russkie mysliteli* [Russian thinkers]. Moscow: Encyclopedia-ru, pp. 236–255.

Gumanitarnaya nauka posle 24 fevralya [Humanities after February 24]. Transl. from the Engl. by D. Aronson (2023) *NLO*, 6, pp. 29–63.

Kavelin, K. D. (1989) “*Nash umstvennyi stroi*” [“Our mental system”], in Kavelin, K. D. *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Pravda, pp. 307–320.

Kantor, V. K. *Russkii evropeets kak zadacha Rossii* [*The Russian European as the task of Russia*]. Available at: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2001/1/russkij-evropeecz-kak-zadacha-rossii.html> (Accessed: 14. April 2023).

Kurennoi, V. A. (2013) “Irratsional'naya storona ratsional'nogo” [“The irrational side of the rational”], *Otechestvennye zapiski* [*Domestic notes*], 1(52), pp. 70–78.

Levit, K. (2021) *Smysl v istorii. Teologicheskie predposylki filosofii istorii* [*The meaning of the story. Theological prerequisites of the philosophy of history*]. Transl. from the Engl. by A. Sarkisyants. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

Mezhuev, B. V. (2022) “Dialektika Kontrprosveshcheniya” [“Dialectics of Counter-Enlightenment”], *Voprosy filosofii* [*Questions of philosophy*], 6, pp. 45–57.

Mezhuev, B. V. (2018) “Est' li u Rossii svoi ‘tsivilizatsionnyi kod’ i v chem on mozhet zaklyuchat'sya?” [“Does Russia have its own ‘civilizational code’ and what can it consist of?”], *Voprosy filosofii* [*Questions of philosophy*], 7, pp. 35–43.

Mezhuev, B. V. (2023) *Vozmozhno li “tsivilizatsionnoe ravnodushie” Rossii k kollektivnomu Zapadu?* [*Is Russia’s “civilizational indifference” to the collective West possible?*]. Available at: <https://expert.ru/expert/2022/26/vozmozhno-li-tsivilizatsionnoye-ravnodushiye-rossii-k-kollektivnomu-zapadu/> (Accessed: 14 April 2023).

Mezhuev, B. V. and Remizov, M. A. (2021) “Konservatizm i vyzov dlya intellektual'nogo klassa. Viktorianskii proekt dlya Rossii” [“Conservatism and a challenge for the intellectual class. Victorian project for Russia”], *Tetrady po konservatizmu* [*Notebooks on conservatism*], 4, pp. 36–46.

Pavlov, I. P. (2019) “Dialektika sekulyarizatsii v Rossii: k otsenke ‘Istorii russkoi filosofii’ Vasiliya Zen'kovskogo” [“Dialectics of secularization in Russia: an assessment of the ‘History of Russian Philosophy’ by Vasily Zenkovsky”], *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [*State, Religion, Church in Russia and abroad*], 37(3), pp. 253–276.

Sedzhvik, M. (2018) *Traditsionalizm, Yulius Evola i Rene Genon: kak ezotericheskoe stanovitsya politicheskim* [*Traditionalism, Julius Evola and Rene Guenon: How the esoteric becomes political*], *Aliter*, 9, pp. 38–52.

Solov'ev, A. P. (2021) “Obrazy sekulyarizatsii v russkoi religioznoi filosofii vtoroi poloviny XIX veka” [“Images of secularization in Russian religious philosophy of the second half of the 19th century”], *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii* [*Proceedings of the Theology Department of the St. Petersburg Theological Academy*], 4(12), pp. 108–126.

Solov'ev, A. P. (2022) *Sekulyarnoe kak politicheskaya teologiya v russkoi religioznoi filosofii pervoi poloviny XX veka* [“Secular as political theology in Russian religious philosophy of the first half of the twentieth century”], *Vestnik PSTGU. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [*Bulletin of the PSTSU. Theology. Philosophy. Religious studies*], 101, pp. 57–81.

Fegelin, E. (2021) *Novaya nauka politiki: vvedenie* [*The New science of politics: an introduction*]. Transl. from the Engl. by N. Seliverstov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

Khomyakov, A. S. (2010) “Mnenie inostrantsev o Rossii” [“Opinion of foreigners about Russia”], in Khomyakov, A. S. and Kireevskii, I. V. *Izbrannoe* [*Selected*]. Moscow: ROSSPEN, pp. 71–92.

Khondzinskii, P., prot. (2016) “*Tserkov' ne est' akademiya*”: *Russkoe vneakademicheskoe bogoslovie XIX veka* [“*The Church is not an academy*”: *Russian extra-academic theology of the 19th century*]. Moscow: PSTGU Publ.

Chicherin, V. N. (1899) *O narodnom predstavitel'stve* [*About the People's representation*]. Moscow: Tip. Tovarishchestva I. D. Sytina.

Shtraus, L. (2000) “Tri volny sovremennosti” [“Three waves of modernity”], in Shtraus, L. *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [*Introduction to Political philosophy*]. Transl. from the Engl. by M. Fetisov. Moscow: Praksis, pp. 68–81.

Shpet, G. G. (1989) “Ocherk razvitiya russkoi filosofii. Chast' 1” [“An essay on the development of Russian philosophy. Part 1”], in Shpet, G. G. *Sochineniya* [*Essays*]. Moscow: Pravda, pp. 11–345.

Информация об авторе: Александр Андреевич Гири́нский — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Aleksandr A. Girinskiy — PhD in Philosophy, Junior Research Fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.08.2023;
одобрена после рецензирования 01.09.2023;
принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 03.08.2023;
approved after reviewing 01.09.2023;
accepted for publication 10.09.2023.